

Валеф М. де

КАЗНЬ ЕГИПЕТСКАЯ

**ЕГИПЕТСКИЕ
НОЧИ**

Египетские ночи

Морис де Валеф

Казнь египетская

«Алгоритм»

1907

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)

де Валеф М.

Казнь египетская / М. де Валеф — «Алгоритм»,
1907 — (Египетские ночи)

ISBN 978-5-486-03955-3

Морис де Валеф (1874–1946) – французский писатель и журналист; основатель и издатель популярного парижского журнала «Midi» («Полдень»). Являлся заметной фигурой в среде парижской богемы, принимал активное участие в светской жизни французской столицы. В частности, спонсировал и проводил первые показы модной одежды и нижнего белья. Де Валеф активно поддерживал молодой национальный кинематограф, борясь против засилия американских фильмов и призывая со страниц своего журнала к запрету их демонстрации на французских экранах. Также он был идейным вдохновителем и организатором одного из самых первых национальных конкурсов красоты в Париже, получившего затем престижный статус европейского. Кроме того, де Валеф является автором нескольких исторических романов, среди которых «Королева Тайя», «Приключения прекрасной ахейнки» и др. Черета событий, происходящих в романе «Казнь египетская», публикуемом в данном томе, ярко отражает своеобразие жизни древней столицы Египта – города Фивы. На страницах книги сталкиваются честь и бесчестие, верность своим идеалам и духовная пустота, чувственность и аскетизм, наконец, величие искренней любви и грубость вождения.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-486-03955-3

© де Валеф М., 1907

© Алгоритм, 1907

Содержание

I	7
II	15
III	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Морис де Валеф

Казнь египетская

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

* * *

I

Солнце еще стояло высоко. Шел третий час дня. По Нилу медленно плыла галера. Легкий ветерок поднимал на поверхности реки тысячи маленьких блестящих волн, похожих на рыбью чешую, и слегка надувал огромный парус галеры, выкрашенный в виде шахматной доски красным и зеленым цветом. И такова была прозрачность воздуха в Египте, что феллахи, вечно работавшие на берегу над орошением пустыни, могли различить все мелочи такелажа, кончая последним узлом в снастях. Двое из этих феллахов только что погрузили в воду огромные мешки из кожи, прикрепленные к жердям. При виде галеры они разом прекратили свою работу. И жерди вдруг выпрямились, образуя вертикальные линии, единственные на этом горизонте без деревьев, без домов, без жизни, где купол неба, точно гранитная крышка саркофага, сливался с берегами, соединяясь в темную линию. Оба феллаха были голы. Их кожа, когда-то коричневая, приняла мрачный оттенок базальта, едва отличаясь от ила, в котором им вечно приходилось возиться. Их глуповатые лица выдавали тяжелые, рабские условия жизни.

– Клянусь Изидой, – побожился один из них, прикладывая руки к глазам в виде зонтика, – пускай меня накажут плетью, но уж я отправлюсь завтра просить как милости, службы во флоте. Подумай, как чудно жить на корабле; посмотри на этих гребцов: лентяи, как они тянут свои весла.

Действительно, гребцы поручили свой корабль ветру, а сами бездельничали. Кто поправлял передник, которым было опоясано его коренастое тело, другие беспечно шутили с моряками, забившимися под паруса. Один из матросов ловким маневром захватил голову гребца в мертвую петлю. Несчастная жертва делала невероятные усилия, чтобы освободиться. Но все было напрасно.

Неистовая веселость охватила весь экипаж.

– Посмотри-ка, он его выловил, как крокодил! – с восторгом воскликнул феллах.

При этих словах его товарищ побледнел. На его родине крокодилов чтят как воплощение Сет-Тифона, бога зла. Он поспешил пробормотать заклинание, простирая свои руки к желтоватой поверхности Нила:

– Остановись, о крокодил, сын Сита, останься недвижим, не разверзай ужасной пасти. Да превратится перед тобой вода в огромный огненный вал!

– Ага! – воскликнул первый феллах, не оставлявший своих наблюдений за галерой. – Посмотри, человек-то выпутался из петли и теперь сам хочет проучить своего обидчика.

Но хохот на галере разом затих. На палубе появилась новая личность – человек величественного роста, затянутый в красные одежды. Одной рукой он держался за лотос из бронзы, украшавший корму, а другой нервно вертел огромный бич. Мгновение – и тяжелый удар опустился на спины двух ближайших гребцов. Тогда остальные поспешили схватиться за весла. На этот раз галера понеслась как стрела и быстро скрылась из вида...

Между тем, как феллахи принялись за свою однообразную работу, неизвестный, довольный произведенным впечатлением, снова спустился в каюту.

Судя по одежде и чертам лица, можно было сказать, что это финикиец, уроженец одного из больших городов приморской Сирии, Сидона или Тира.

Вот уже два столетия, как фараон Тут-Мазу Великий обратил почти все народности Азии в вассалов Египта.

Финикияне, смелые мореплаватели, снабжали страну, начиная с Мемфиса до Фив, рабами и всеми редкими произведениями далеких стран; их энергичные лица очень близко знакомы обитателям берегов Нила.

В то время как владелец каюты принялся за проверку счетов, написанных клинообразно на таблечках, не мешает рассмотреть его наружность попристальнее.

Под влиянием ветра его лицо и руки покрылись сильным загаром. Черная борода, очень густая и блестящая, обстриженная клином, подчеркивала выдающуюся челюсть. Толстые ярко-красные губы и острый нос придавали его зазорному лицу скорее вид купца, чем пирата. Богатая одежда не обличала вкуса. Красное платье, отделанное золотой бахромой и покрытое массой голубых звездочек, ложилось на плечи в виде пелерины по тогдашней сирийской моде. Сейчас можно было сказать, что оно куплено в одной из лавок Сидона. Горячий фиолетовый оттенок пурпура указывал на нежность морских раковин, из которых его добывали.

Шею его украшало ожерелье из амбры, зеленоватого прозрачного вещества, добытого из туманных и холодных морей далекого недоступного Запада.

Он взял из стоявшей на столе чаши кусочек глины, сделал из нее влажный шарик и приложил к таблетке. На эту печать из нежной земли он наложил другую, из прозрачного кристалла, на которой можно было различить его собственную фигуру, поклоняющуюся Мелькарту, богу-геркулесу города Тира.

Наконец его работа была кончена.

– Ио, Ио! – крикнул он громким голосом, обращаясь к кому-то, кто, вероятно, находился за толстой занавеской, висевшей на заднем плане комнаты. – Ио, мы приближаемся. Мы прибудем в Фивы раньше шестого часа. О прелестная чужестранка, взойди на мостик, чтобы приветствовать стовратные Фивы – самый большой город мира!..

Ни один человек из его экипажа не понял его слов. Он говорил на чуждом наречии далеких ахейских островов, о которых робкие египетские мореплаватели не имели ни малейшего понятия. Только одни смелые финикияне отваживались проникать далеко за остров Кипр.

На свой зов он не получил ответа. Никто не являлся: кругом по-прежнему все было тихо. Вдруг его лицо исказилось злобой; он дернул занавеску своей волосатой, мускулистой рукой и сразу оборвал ее.

Женская фигура робко поднялась навстречу из кучи беспорядочно набросанных подушек и шкур.

Испуганная внезапным вторжением, она скрывалась в темноте, как загнанный зверь.

Она поправляла на своей голой груди овечью шкуру.

– Будешь ты отвечать? – снова зарычал он. – Я еще раз приказываю тебе взобраться на мостик.

Женщина склонила голову. В это время луч солнца, пробравшись сквозь щели, разом осветил ее рыжие волосы.

– Не хочу я думать ни о тебе, ни о Фивах, – решительно объявила она.

Он снова было хотел разразиться страшными угрозами, но сдержался и только выместил свой гнев на куче тряпья, из которого вдруг показался курносый профиль старухи. Она пугливо озиралась круглыми и выпученными, как у совы, глазами.

– Банизит, – обратился к ней незнакомец, – наряди-ка красавицу. Если она через час не будет на мостике, то, клянусь Мелькартом, как только приеду в Фивы, прикажу бросить твое высохшее тело крокодилам священного озера.

Он снова прикрепил сорванную занавеску и удалился. Женщины остались одни.

– Ты очень счастлива, о Ио! – прошептала старуха. – Купец Агама надеется взять за тебя большую цену. Ты представляешь для него огромную сумму денег, и он дорожит тобой, а я, как собака, терплю палочные удары.

– А все же я рабыня, – прошептала Ио с жестоким отчаянием.

Старуха печально вздохнула, не отрывая взора от белой шейки своей подруги.

– Моя милочка, ты рабыня, но ты знаешь, что два голубка, которые у тебя здесь, всегда найдут себе хорошенькую голубятню. Может быть, тебе посчастливится и ты попадешь в гинекей принца...

– Замолчи! – сказала повелительно Ио. – Клянусь, что тот, кому продаст меня Агама, не подойдет дважды ко мне. Я вырву ему сердце своими когтями!

– Ну а если он будет красив и богат?

– Каков бы он ни был, он не будет повелевать мной. Я не для того родилась. О египтянка, жалкая рабыня своего презренного господина, знай, что мой отец живет в роскошном дворце на берегу дивного моря. Он первый среди самых знатных и богатых. Однажды – то был ужасный роковой день – я купалась со своими служанками; мы расположились далеко от нескромных взоров пылких юношей. Вдруг из-за камней выскакивает отряд варваров. Они бросились на нас, как львы... На песке лежали туники. Они их похитили. Служанки выбежали из воды и бросились бежать в город... А я? О неосторожность! Мне было стыдно бежать голой, я старалась спастись вплавь. Но пираты бросились на свой корабль и изловили меня в сети, как дельфина! О мое отечество, о дорогой город ахейн!

Старуха покачала головой:

– Ты уже все это мне рассказывала однажды, но я не знаю ахейн, о которых ты говоришь мне. Поживи в нашей стране, с тобой будет то же, что и с моей матерью: она была бедуинка, она так же отчаянно ломала свои руки, как и ты, оплакивая свою свободу и свою дорогую пустыню. Великий фараон пожертвовал ее и еще десять тысяч рабов храму солнца в Гелиополисе. Там хорошо кормили и сносно обращались. Она была сыта, и ее сердце было покойно. А ты ахейнка, Агама тебя похитил, но, заметь, он тебя не бьет и не неволит. Он даже хотел, чтобы я научила тебя языку египтян.

– Чтобы дороже продать! Но ему не получить того дохода, о котором он мечтает. Яд сумеет всегда уничтожить все расчеты!

– Вот это тебе более подходит, чем яд, – сказала бедуинка и протянула пузырек с желтоватой жидкостью. Ее руки, дряблые и черные, освещенные яркими лучами солнца, походили на лапы какой-то птицы. – Его дал мне для тебя Агама, это душистое масло, чтобы умастить твоё тело. Не отказывайся. Духи и наряды – вернейшее твоё оружие.

Ио вздохнула и принялась поправлять свою прическу. Банизит принесла ей миску с водой. Ахейнка улыбнулась, умастила своё гибкое тело маслом, и в первый раз под влиянием его ласкающей нежности она почувствовала себя хоть немного счастливее. Она была почти готова, как Банизит бросилась к ее ногам:

– О чужестранка, попроси того, кто найдет тебя прекрасной, купить и меня тоже. Я буду твоей рабой! Я знаю, что Агама продаст меня какому-нибудь ремесленнику за несколько бронзовых колец и меня заставят целые дни тереть муку между камнями! О Ио! Я была тебе так покорна, так терпелива с тех пор, как мы покинули Мемфис. Не откажи мне. Сжался хотя бы ради твоей матери...

Появление Агамы прервало ее мольбы.

Он подошел к Ио и предложил ей руку, чтобы проводить вверх, но она с отвращением от него отвернулась, легко взобралась по лесенке и принялась поправлять свой длинный шерстяной пеплум, окрашенный в нежный зеленый цвет; ветер облепил его вокруг ее полного, молодого, удивительно стройного тела.

– Хвала тебе, прелестный зеленый кузнечик! – воскликнул финикиец, скользя самодовольным взглядом купца по ее нежным формам. – Ты выйдешь в такой части города, где твоя прозрачная туника привлечет благосклонные взгляды. Клянусь Астартой, там, где женщины носят только белое, твои варварские одежды удивят фиванцев. Их красноватая кожа никуда не годится в сравнении с твоей.

Он дотронулся до руки Ио, обнаженной благодаря разрезу на правом плече. Рука эта, с детства подставляемая под палящие лучи солнца, не имела той удивительной белизны, как левая, скрытая под одеждой. Она приняла дивный оттенок слоновой кости. Ахейнка с ненавистью посмотрела на своего властелина и с презрительной гримаской отодвинула локоть.

Единственное облачко, омрачавшее счастье пирата, – это суровый характер Ио.

Первое время отчаяние девушки было ужасно. Много раз пыталась она броситься в воду. Наконец догадались надеть на нее цепи. Теперь отчаяние прошло, но оно сменилось угрюмой холодностью. Целые дни она мрачно молчала. Купец знал, что всякий предпочтет веселую и ручную птичку красивой, но угрюмой до свирепости невольнице, и боялся получить меньше, чем ожидал.

Девушка печально стояла на заднем мостике, и ее затуманенный взор с тревогой вглядывался в синеющие цепи гор, которые с двух сторон окружили неровную долину.

Она думала о своем далеком острове, о дивной игре яркого солнца в прозрачных морских волнах – и мрачная неподвижность этих гор ее ужасала. Ничего кругом, кроме реки, а потом сейчас же песок и холмы. Но холмы не такие зеленые и улыбающиеся, как на ее милой родине, где обработанные поля замыкались густым бесконечным лесом. Нет, здесь ничего этого не было, кроме крутых известковых хребтов, диких и пустынных, сожженных палящими лучами египетского солнца.

Она давно уже поклялась скрыть свое горе, замкнуться в своей гордости и на все отвечать презрением, но теперь отчаяние сжало горло, и женщина, почти еще ребенок, сказала в ней. Она горько заплакала... Чтобы ободрить ее, Агама улыбнулся. Его могучая и хитрая голова, украшенная красной повязкой, которая прикреплялась с помощью золотой тесьмы к развешивающейся бороде, красиво выделялась на четырехугольниках белеющего паруса.

Он простер руки вдаль и, указывая на горизонт, с восторгом воскликнул:

– Взгляни, дитя, вот Фивы стовратные, огромные Фивы. Поклонись им. Все города мира родились вчера и умрут завтра. Этот же существует тысячи лет. И боги обещали ему бессмертие. Я видел Вавилон, я видел Халдею, но египетские Фивы в тысячу раз лучше!

Между тем долина начинала мало-помалу расширяться, исчезла цепь арабских гор, и на горизонте показалось поразительное произведение архитектуры – пилоны, скорее похожие на массивы огромных гор, чем на произведение рук человеческих.

Храмы развешивали целые анфилады своих колонн. Те сначала казались ничтожными рядом с чудовищными пилонами, но мало-помалу размеры их вырисовывались более отчетливо. Столетние сикоморы и роскошные пальмы казались простыми кустарниками и былинками. Там и тут виднелись обелиски, пирамидальные верхушки которых, вылитые из чистого золота, сияли над городом.

Сидящие или стоящие, застывшие в своей абсолютной неподвижности, обелиски эти поражали своим гигантским размером и пропорциональностью линий. Ио в испуге закрыла глаза, колени ее дрожали. Грустная мысль быть проданной этим чудовищам поражала ее. Казалось, сердце перестало биться. И, протянув руки, чтобы оттолкнуть от себя страшное видение, она испустила крик ужаса.

Еще несколько минут, и между гранитными храмами можно было различить уже и другие строения. Все они были выкрашены в яркие цвета.

– Вот и дворцы, – почтительно произнес купец. – О Ио, ты будешь жить в этих пышных дворцах, потому что только принц может заплатить сумму, которую я хочу получить. Клянусь, да защитит меня Мелькарт, я делаю это не из жадности, нет, дитя мое, но из желания тебе же добра.

– Если я тебе так дорога, как ты говоришь, – прошептала девушка, – то проводи меня на родину, возврати дорогому отцу и несчастной матери.

– Ты еще жалеешь свой город, похожий на какое-то жалкое местечко! А я-то положил столько труда, чтобы показать тебе богатейший город мира!

– Да, чтобы продать меня здесь, как скотину, тогда как в родном Аргосе я была свободна! Знай же: в моих жилах течет благородная кровь!

– Что же делать – такова торговля, – сказал решительно финикиец.

Тогда Ио разразилась упреками:

– Презренный похититель, безжалостный потомок пиратов! Я решилась просить тебя об этом, так как все же ты имеешь человеческий облик! Теперь же я тебя презираю!..

Между тем галера медленно подвигалась вперед.

Уже масса храмов начала постепенно раздвигаться, между ними виднелись дворцы, возвышавшиеся над бесконечными анфиладами стен. Бесконечные купола казались огромными муравейниками из-за тысячи голубей, покрывавших Фивы пестрым ковром.

До них внезапно донесся шум огромного города: крики ослов, стук колесниц, удары молотов о наковальни...

Вот и набережная, усеянная пестрой толпой.

Здесь Нил затянут густой сетью судов. Приходилось сложить паруса. Гребцы нашей галеры ловко маневрировали, успевая перебрасываться шутками и проклятиями с соседним экипажем.

Чужеземная одежда Ио, ее рыжие волосы и ослепительная белизна привлекли всеобщее внимание.

– Откуда ты ее везешь? Она твоя рабыня? Сколько ты за нее просишь? – кричали финикийцу с берега.

В первый раз ахейка сделалась предметом всеобщего любопытства. В Мемфисе и Дельте Ио решительно отказывалась выходить из каюты. Она поспешила закутать голову в свой пеплум, но господин ее энергично воспротивился этому.

Пришлось опустить глаза и побороть свое отчаяние. Она готова была сейчас же броситься в сверкающие волны реки, чтобы умереть. Сильный толчок вырвал ее из этого мрачного отчаяния: галера достигла берега и становилась на якорь.

Агама взял за руку свою пленницу, и они поднялись по гранитной лестнице. Наверху они очутились среди целой толпы грузчиков, навязчиво предлагавших свои услуги. Их покрытые потом бронзовые тела лоснились на солнце.

– Посторонитесь! – крикнул Агама. – Я не нуждаюсь в ваших услугах, чтобы выгрузить мою добычу. Она состоит из ляпис-лазури и пурпура. Есть еще у меня только одна рабыня. Клянусь вам, что она невинна! Вот она, взгляните!

Все это он кричал как можно громче, чтобы привлечь побольше любопытных.

Несколько прохожих образовали около них небольшую группу.

– Идите-ка сюда, – кричали одни, – здесь продают женщину-дикарку!

– Да это финикиец! У него, верно, есть и пурпур, и ляпис-лазурь.

– Клянусь Амоном, – кричали другие, – девочка молода, да только рыжая!

Целые каскады заплетенных и напудренных голубой пудрой волос обрамляли смуглые бритые щеки фиванцев. Все были одеты в белые рубахи, которые спускались до самых ног, оставляя открытыми сандалии из папируса с заостренными носками.

Ио, бледная, охваченная невольной дрожью, вперила свой блуждающий взор в пространство. Она не видела больше ничего.

Агама испытующим взором рассматривал толпу, ища достойного покупателя, готовый сызнова начать свою болтовню.

По площади то и дело сновали по всем направлениям колесницы. Две лошади, покрытые яркими разноцветными попонами, с удивительной легкостью тащили низенький ящик из позолоченного дерева.

Войска возвращались с маневров.

По сверкающим каскам и латам легко можно было отличить офицеров. Благодаря быстрой езде их юбки из муслина развевались.

Трое из них остановились на набережной, им нужно было переехать реку. Пока ставили лошадей на плоты, офицеры вмешались в толпу, которая образовала вокруг Агамы и его плен-

ницы тесный круг. Хитрый купец понял, что настал момент действовать. Он отвесил новопривыкшим такой низкий поклон, что его руки коснулись колен, и громовым голосом начал свою речь:

– Благородные фиванцы, я только что вернулся из далекого плавания, чтобы узреть великого фараона Аменофиса Четвертого. Когда я был здесь последний раз, отец его, великий фараон Аменофис Третий, был еще жив. Он же и послал меня на край зеленого моря и поручил привезти самую прекрасную девушку-дикарку. О потомки Горуса, всмотритесь в удивительную, странную красоту этой девушки. Ее родина – далекий остров, она единственная дочь могущественного царя. Но не думайте, что я отнял ее у отца и насильно привез к вам. О нет, ее жалобы никогда не утомят ушей ее повелителя. Она здесь по собственной воле.

Голос Агамы пробудил Ио из ее мучительной задумчивости. Она только сейчас заметила, что сотни взоров обращены к ней. Она снова закрыла свое лицо и повернулась спиной к толпе.

Но Агама новым энергичным движением заставил ее повернуться. Он так грубо сорвал покрывало с ее лица, что вызвал слезы обиды на глазах девушки.

– Вы видите: она прячется, она плачет, а знаете почему? Она печалится, потому что не увидит светлого лица великого фараона Аменофиса Третьего. Такое горе удивительно. Клянусь вам, что все время она не переставала смеяться и петь, пока весть о смерти Аменофиса Третьего не коснулась ее ушей. Подумайте, какой нежной голубкой будет обладать ее счастливый покупатель.

Но его последние доводы не достигли ушей его слушателей, которые поспешили разойтись, разгоняемые солдатами из полиции, огромные фигуры которых мрачно возвышались над толпой. Палочные удары сыпались направо и налево. Простолудины быстро разбежались. И горожане тоже медленно удалялись, придерживая парики, так как палки полицейских не щадили никого. На площади остались одни офицеры, их личность считалась неприкосновенной. Уступая желанию воспользоваться этой привилегией, они подошли поближе к купцу.

– Твоя невольница прелестна! – сказал один из них. Он был немножко пьян. – Она понравилась бы, наверно, нам, если бы можно было рассмотреть ее поближе.

Финикиец низко поклонился.

– На моем корабле тебе, конечно, будет удобнее рассмотреть мое сокровище, о сын властелина!

Офицер повернулся к товарищам, смеясь над титулом, которым его величали... Эта лесть ему понравилась. Он взглядом советовался с остальными. Его товарищи решили последовать за Агамой на его корабль.

Ио шла по лестнице, как сомнамбула, на последней ступеньке она приостановилась и быстро двинулась к воде. Но купец, не перестававший наблюдать за ней, сильной рукой заставил ее подняться вверх.

Молодые люди с любопытством рассматривали ахейанку. Она же машинально натягивала на себя свой зеленый пеплум. Ее длинные рыжие волосы беспорядочно ложились вокруг маленького, искаженного страданиями лица. Она так сильно кусала свои бледные губы, сдерживая крик, что на них проступила капелька крови.

– Бедное дитя, – сказал один из мужчин, тот, который носил богатую эмалевую перевязь. – Я не знаю, королевская ли она дочь, как утверждает этот пират, но я уверен, что в жилах ее течет благородная кровь, так как она очень страдает от своего унижительного положения.

– Ты ее жалеешь, о Рамзес, – сказал третий офицер. – Посмотри, как она скрежещет зубами. А глаза, они похожи на глаза гиены, которую потревожили в ее логовище. Да сохранит тебя Озирис заснуть в ее объятиях.

– Клянусь Гатором, – воскликнул тот, который был пьян, – я не отказался бы повергнуть эту воинственную деву в то состояние, в котором находится наша обожаемая богиня Опет, имеющая вид самки гиппопотама, приготавливающейся родить.

Рамзес смерил говорившего холодным взглядом.

– Говоря так, ты оскорбляешь богов, о Узикав, и моего отца: великий жрец накажет тебя за это. Если же ты будешь продолжать оскорблять этого ребенка, то я, как воин, возьму ее под защиту.

– О Рамзес, ты слишком поддался своему гневу, стоит ли ссориться из-за рабыни, – вмешался другой офицер.

– Да еще из-за чужестранки, – пробормотал Узикав. – Она – дитя, я с этим согласен, но дитя, которое имело по крайней мере дюжину любовников.

– Ведь ее хозяин сказал тебе, что она невинна, – возразил Рамзес, пожимая плечами.

Агама воздел руки к небу, призывая в свидетели сразу всех богов Египта:

– Клянусь вам, что она невинна, в противном случае я не возьму ни копейки.

– Сколько ты за нее просишь? – спросил Рамзес.

Финикиец медлил с ответом, он соображал, сколько можно запросить с обладателя роскошной перевязи.

– Она мне стоила дорого, – прошептал он.

– Какая наглость, ты же клялся нам, что ее отец поручил тебе привезти ее к фараону.

– Сказки хороши только для плебеев, а таким знатым господам я должен говорить только правду. Отец ее – один из ахейских вождей. Да сожжет меня Баал, если я солгал. Дикари вечно дерутся между собой, а этот должен был заплатить порядочный выкуп. Он мне продал свою дочь за тридцать кусков тирского пурпура...

– Ты клеветешь, собака! Мой благородный отец удавил бы меня, прежде чем продать тебе, – объявила Ио, выходя из своего оцепенения.

Агама не моргнув глазом продолжал:

– Торг был заключен без ведома крошки, конечно. Вы должны заметить, о благородные потомки Горуса, она владеет языком египтян. Я заплатил золотое кольцо за ее образование, прибавьте расходы на дорогу, так как я продал свой товар еще в Мемфисе и только для нее, неблагодарной, явился в Фивы, чтобы найти господина, достойного такого сокровища.

Рамзес нетерпеливо прервал его разглагольствования:

– Короче, говори сумму.

– Не менее пятидесяти двух золотых колец, о сын властелина, иначе я не наживу ничего.

Узикав разразился хохотом:

– Ого-го, он просит пятьдесят два золотых кольца за рыжую женщину и еще боится остаться в убытке!

– Твоя последняя цена? – настаивал встревоженный Рамзес.

– Ни на одну йоту меньше.

Видимо, офицер не обладал требуемой суммой. Его отец, старший жрец в храме Амона, располагал доходами храма, но не поощрял расточительности сына. Между тем долги Рамзеса все увеличивались: он еще не заплатил за пару кобыл, только что выписанных им из Сирии. Он боролся в душе с сильным желанием купить девушку, но его глаза напрасно старались встретиться с ее взором. Ему было стыдно лишиться оружия, иначе он сейчас же охотно отдал бы все за нее.

Наконец он яростно топнул ногой и, точно убегая от искушения, сказал:

– Пойдемте, друзья, нужно родиться фараоном, чтобы удовлетворять все свои прихоти.

Эти слова, казалось, убедили Узикава. Он был сыном номарха и обладал большим состоянием. Цель его жизни заключалась в том, чтобы никогда не отказываться ни от одной дорогостоящей фантазии.

– Пойдите минутку. Девушка мне нравится. Я беру ее, но с условием, что ее тело так же забавно, как лицо. Подумайте сами: ведь нельзя же купить лошадь, покрытую попоной, не

снимая эту попону. Купец, наверно, имеет свои причины показывать ее закутанной в одежды, которые скрывают ее формы, как повязки скрывают мумию.

Пьяный офицер приблизился к Ио и насмешливым жестом расстегнул аграф ее пеплума. Но прежде, чем он успел его стащить, она поднялась на цыпочки и впилась когтями в его лицо.

– Ты правду сказал, мой друг. Клянусь Тифоном, эта девушка – настоящая гиена.

– Прости ее, она дикарка, в ее стране женщины не показываются перед мужчинами, как в Египте. Ты ее напугал, но твоя красота ее скоро победит.

– Нет, она мне больше не нужна, – сказал протрезвевший офицер.

– Хочешь, я ее раздену? – предлагал рассерженный купец.

– Нет, это бесполезно – она безобразна.

Офицеры снова поднялись по гранитной лестнице.

На набережной Рамзес остановился. Его товарищи уже скрылись, а он все еще колебался, все еще медлил... Его позолоченная каска долго сверкала на фоне голубого неба, потом исчезла. Дело было проиграно.

Охваченный молчаливым гневом купец обернулся к Ио. Несчастливая девушка, сраженная ужасной душевной борьбой, была без чувств. Ее пеплум отвернулся, и прозрачная туника позволяла видеть все тайны ее прекрасного тела. Это зрелище успокоило гнев пирата.

– Банизит, старая сова, иди сюда, дай ей понюхать уксуса и стереги ее до моего прихода. Ты мне ответишь за нее своей жизнью.

Он плотнее закутался в свои красивые одежды, которые ярко выделялись на лазурном горизонте. Скоро он тоже исчез.

II

Рамзес и его товарищи переехали на западный берег Нила, где они должны были опробовать новый ипподром, приготовленный для бегов.

Молодой офицер, обожавший верховую езду и посвящавший ей весь свой досуг, сегодня был свиреп и мрачен. Узикав же никогда не был так весел. Он принялся насмехаться над его дурным расположением духа и все приставал с вопросами: не приворожила ли его некая чужестранка с рыжими, как у колдуньи, волосами.

Рамзес выразил недовольство настойчивыми шутками пьяного болтуна. Узикав, любивший Рамзеса, не рассердился на обидный эпитет, но теперь из гордости продолжал свои шутки. Тогда Рамзес перестал отвечать. Преследователь возобновил свои нападки. Глядя на него в упор, Рамзес крикнул:

– Подлец!

Тот разом осадил лошадей. Поначалу обе колесницы совершали свои эволюции на двух противоположных концах поля. Теперь черные кобылицы Рамзеса остановились нос к носу с серыми жеребцами в яблоках Узикава.

– Ты шутишь, сын великого жреца Амона?

– Нет, сын номарха, я рад бросить тебе это оскорбление в лицо. Твое поведение с этим ребенком подло.

Оскорбление было нанесено публично.

Противники разъехались в противоположные концы долины и бросились друг на друга. Офицеры, свидетели этой дуэли, следили внимательно за Узикавом. Их симпатии были на его стороне как оскорбленного без причины. Зрители могли только видеть два столба пыли, приближавшихся один к другому, точь-в-точь как туча песка, которую поднимает самум в пустыне. Можно было различить и лошадей, легких сирийских скакунов, и их развевающиеся гривы и хвосты походили на перья страуса, волнуемые ураганом. Сражающиеся были одни на легком настиле из сикоморы.

Узикав ехал прямо, он имел преимущество ветра. Его лук натянут, тетива наравне с ухом, стрела направлена горизонтально. Солнце светило ему в лицо, блеск его каски ослеплял.

Рамзес же имел преимущество света. Он стоял в своей подскакивающей повозке согнувшись. В правой руке он держал копье наготове, а в левой – кривой меч.

Оба управляли колесницами, перемещая свой корпус то в одну, то в другую сторону. Узикав крикнул глухим голосом и спустил стрелу, которая только вонзилась в кузов неприятельской колесницы. В то же мгновение колесницы встретились, точно собираясь столкнуться друг друга. Рамзес со страшным усилием натянул вожжи и избежал удара. Колеса сцепились, и вот Рамзес наклонился, высоко держа копье! Крик ужаса вырвался у друзей Узикава. Каждый сознавал, что при таких условиях гибель его неизбежна. Но вот ужас сменился возгласами удивления. Обе колесницы встретились, разъехались, и все увидели Узикава совершенно невредимого, старавшегося умерить быстрый ход своих коней. То же самое делал Рамзес. Но оружия более не было у него в руках. Копье и меч валялись на месте встречи, так как он их бросил в ту минуту, когда мог поразить насмерть своего друга.

Тогда все воздели руки к небу в знак прощения. Разгоряченных лошадей остановили, подхватили обоих героев и заставили поцеловаться.

Они помирились. Рамзес с совершенно истощенными нервами удалился с ипподрома, чтобы возвратиться в Фивы.

В течение долгих минут, бесконечных как вечность, в то время как его глаза были прикованы к заগ্রивкам лошадей, а тело то натягивало, то отпускало поводья, у него явилась мысль

о близкой смерти. В его уме, предвидевшем ее возможность, явилось воспоминание о зеленом пеплуе прекрасной невольницы, которую он хотел купить сегодня утром.

«О, таинственная воля богов, – думал он, переезжая реку, – в последнюю минуту я не думал ни об отце, ни о сестре, которую обожаю, а только о ней, о ней одной. Только прелесть этого видения заставила меня выказать столько душевного величия относительно Узикава. Я только и думал, чтобы лететь к ней. Удастся ли мне разыскать финикийца?»

Ему не пришлось долго его искать. Первое, что бросилось в глаза, когда он въезжал на набережную, было красное платье Агамы, который о чем-то горячо беседовал с группой полицейских и каких-то граждан в голубых париках. Рамзес знаком повелел ему подойти. Агама поспешил приблизиться.

– Приведи свою рабыню сегодня вечером в мое жилище, к великому храму Амона, – приказал он. – Ты получишь требуемые пятьдесят два кольца.

Но лицо финикийца выражало печальное разочарование.

– Так это не ты ее похитил! – воскликнул он.

– Она похищена? Что ты там болтаешь?

– Увы, сын властелина, я разорен. Во время моего отсутствия ахейнка исчезла, а с ней вместе и старуха по имени Банизит, которую я купил, чтобы ее стеречь.

– Но кто же ее похитил? Допроси своих людей.

– Они ничего не слышали. Это случилось в самый жаркий час дня. Все спали. На моей родине я бы их приказал изжарить живыми и узнал бы правду. Здесь же пытки запрещены.

– Но кто же, кто? – повторял офицер. – Ах, почему я не купил ее тогда же, когда она внушила мне эту мысль!

– Я был в отсутствии не более часа, сколько нужно, чтобы добежать до дворца великого фараона. Я знаю начальника носителей паланкина царицы. Он говорил, что царица любит окружать себя хорошенькими чужестранками. Мне пришла в голову мысль продать ей мою. Злой гений шепнул мне эту мысль. В мое отсутствие безжалостные утащили мою собственность! Рабыню, на которую истрачено столько денег! Я так почитал ее, даже никогда не бил, чтобы не испортить ее дивной кожи. Мое собственное дитя не было бы мне дороже. Помогите же, о сын властелина! Клянусь семьей кабирами Млечного Пути, покровителями всех мореплавателей, ты не потерпишь, чтобы честный купец лишился всего, что он заработал!

Агама бросился к ногам офицера. Его черная борода касалась плит набережной. Он хотел поцеловать ноги офицера, тот с нетерпением отодвинулся.

– Люди моего отца будут отправлены на поиски. Сделай то же со своей стороны.

– Девушка не лишила себя жизни, с ней исчезла и другая женщина.

– Когда ты ее найдешь, вспомни, что она принадлежит уже храму Амона. И чтобы ни один волос не упал с ее головы! В противном случае тебя будут считать преступником, и ты получишь должное возмездие! Ступай!

Сын великого жреца вскочил на колесницу, которая следовала за ним, и направил лошадей к храму Амона. Он проезжал улицы, полные народу, но ничего не видел, весь отдавшись занимавшим его мыслям.

К счастью, перед экипажем знатных всегда бегут люди, которые разгоняют толпу. Если бы не они, то Рамзес передавал бы многих. Обыкновенно такой мягкий, сегодня он переродился. Дело в том, что на этот раз другой хозяин управлял колесницей – жестокая, безжалостная любовь, верный страж будущих поколений, перед которым люди казались ничтожной пылью, прахом.

В конце аллеи два сфинкса возвещали о начале священного города. Рамзес повернул в аллею Восточных Баранов. Эти бараны – колоссы, сделанные из розового гранита с телом льва, – протягивали свои морды над статуей покойного фараона. Их было двести, по сто в ряд. Они соединяли храм Амона с храмом богини Мау и представляли из себя почетную стражу

великого бога Фив, когда идол отправлялся, покачиваясь в своей барке, несомой жрецами, навестить свою августейшую жену, богиню Мау.

Рамзес пустил лошадей шагом, так как полнейшая тишина должна царствовать вокруг жилища божества. Равномерный топот копыт его кобылиц, покрытых пеной, раздававшийся, как удары молота на каменных плитах из голубого песчаника, да их неровное дыхание – одни нарушали тишину этих священных мест. Откуда-то доносились крики, похожие на жалобы ребенка, – это кричали крокодилы священного озера, чувствуя приближение вечера: они требовали пищи.

Наконец Рамзес достиг ворот храма; они были украшены старым пилоном, построенным еще регентшей Макери. Она была прародительницей ныне царствующей династии фараонов. Шесть колоссальных статуй, изображавших фараонов, преемников Макери, восседали здесь на своих тронах. Второй портал храма охранялся еще двумя колоссами из красного гранита. Здесь Рамзес сошел с колесницы. Минуя под углом главный двор, он достиг, наконец, священного преддверия храма. Слева от него возвышался самый величайший памятник, какой когда-либо воздвигался руками человеческими. Он существовал со времен династии мемфитян, был воздвигнут в честь богов и назывался пилоном Аменофиса III. Рамзес был уверен, что на одной из террас, окружавших этот пилон, встретит своего отца, у него-то он и хотел просить золота, необходимого для покупки Ио.

Минуя главный двор, он не заметил девочку, которая, увидев его, быстро спряталась за обелиск. Этой девочке могло быть лет десять. Ее туалет не закрывал маленького угловатого тела; он состоял из эмалевых браслетов, надетых на кисти рук, плечи и щиколотки, да из священного ожерелья в пять ниток из золотых шариков и сердолика. Пояс из кристаллов украшал детское тело. Богатство безделушек указывало на высокое происхождение девочки. Ее звали Нигури; она была единственной дочерью великого жреца и сестрой Рамзеса. Нигури вечно скиталась внутри храма, где жила ее семья. Она сначала дала пройти брату мимо. Вдруг ее лицо сделало хитрую гримаску, и она начала тихонько подкрадываться, сдерживая дыхание, положив одну руку на ожерелье, другую на пояс, чтобы они не звенели. Она в два прыжка догнала брата, как дикая козочка вскочила ему на спину, обвив его шею гибкими руками. Блестящая каска офицера отвязалась и с шумом упала на плиту. Удивленный молодой человек постарался освободиться. Ловким движением он сбросил своего всадника. Ребенок упал на паперть, испуская подавленные крики. Рамзес узнал ее и кинулся на помощь, но она уже поднялась, бледная, улыбаясь сквозь слезы, боясь, что ее будут бранить.

– О дорогая Нигури, – сказал с упреком ее брат, – разве можно делать такие глупости – я мог бы тебя убить!

Он взял ее на руки и сел на цоколь какой-то статуи около гигантской ноги чудовища, тело которого, возвышаясь, тонуло в воздухе. Рамзес страдал при мысли, что мог ее ранить. Он осматривал ее озабоченным взглядом.

– Я так рада была тебя видеть, – прошептала она, свертываясь в комочек в его объятиях.

Его перевязь ужасно больно резала ей щеку, но она не обращала на это внимания и прижималась к нему с такой нежностью, что все тело ее вздрагивало.

Брат и сестра поразительно походили друг на друга. У них были квадратные плечи, тонкие руки, длинные и кривые ноги с плоскими от ходьбы пальцами – чистый тип рода Шесу-Пар, потомков Горуса. Когда они улыбались, одинаковая своенравная складка появлялась в углах их мясистых губ, а на висках образовывались морщинки в виде веера. Румянец их щек еще больше выделял блеск удлинённых глаз, сверкающих и бархатистых. Прямая линия носа и лба выражала упрямство. Таковы были эти два плода, висевшие на одной и той же ветке дерева жизни, – один крепкий и уже смуглый от солнца, другой же еще нежный, чуть-чуть покрывающийся желтизной.

Офицер не переставал ласкать свою сестру, она ему казалась красивее ручной газели; она же считала его полубогом.

– О Рамзес, когда же мы повенчаемся?

Она бросила на него взор, полный детского обожания.

Их женитьба была решена. Еще в колыбели брат и сестра привыкли считать себя женихом и невестой. Таков был обычай в знатных семьях. Свадьбы праздновались тогда, когда девушка достигала зрелости и начинала носить длинные одежды.

Рамзес ничего не имел против этого семейного обряда, он считал этот брак таким же необходимым и нормальным явлением, как появление бороды или первые уроки верховой езды. Ждать оставалось недолго, всего несколько лун. Да об этом никогда Рамзес и не думал.

– О, скоро, мое маленькое сердечко, очень скоро!

– Но когда же, когда? – допытывалась она.

– Когда тебе обрежут вот это!

И он указал на одну из черных кос, лежавших на плечах ребенка. Их носили и девочки и мальчики, пока не достигали полной зрелости.

– Но ведь это легко сделать! – бормотала она, смеясь.

Вытащив из его португеи кривой нож с ручкой из нефрита, которой она всегда так восхищалась, она взяла в руки одну из своих кос и протянула ее ему вместе с ножом.

– Отрежь ее, – сказала она решительно.

– Нет, это невозможно, ты еще недостаточно выросла.

– О Рамзес, ты это мне постоянно повторяешь! Так знай же, я сделала отметину на статuae фараона и каждое утро прихожу взглянуть, не выросла ли я за ночь. Ну вот сегодня-то я тебя для того и подстерегала, чтобы объявить приятную новость. Я выросла на целый палец.

Она прижалась своим нежным голым телом к холодному камню.

– Ну и великолепно, – объявил Рамзес. – Ты стала очень большой, и я пойду к отцу просить разрешения, чтобы нас обвенчали. Но, малютка, почему ты так спешишь? Разве тебе не жаль покинуть храм, где ты провела свое детство, да и все здесь были к тебе так внимательны? Когда же ты выйдешь за меня, тебе придется переселиться в жилище, которое покажется слишком тесным для твоих игр.

Дитя серьезно задумалось:

– Когда я выйду замуж, я более не стану играть.

– Но что же ты будешь делать?

– Я всегда буду около тебя.

– А когда я отправлюсь на войну?

– Я пойду туда же.

– Серьезно? И ты поедешь на моей колеснице?

– Согласна, только сначала ты будешь держать меня в своих объятиях.

– Это будет немножко неудобно делать во время сражения. А если меня убьют, справишься ли ты с моими большими черными лошадьми?

Убит!.. Она пожала плечами, и ее золотое ожерелье зазвенело.

– Ну нет, ты будешь убивать других. Ты сильнее их всех. Ты поступишь так же, как поступил фараон, нарисованный на пилонах. Посмотри, он держит дюжину врагов за волосы, а здесь рубит голову своим вождям.

– Но это жестоко!

– Да, конечно, – пробормотала Нигури, ее лицо омрачилось. – Но ведь иначе они убьют тебя!

– Ты рассуждаешь, как египетский бог Тот с головой ибиса. О мой маленький книжник! Завтра я привезу тебе золотое ожерелье из ибисовых головок. Теперь же расстанемся, я должен подняться наверх и поговорить с отцом, прежде чем ночь спустится на землю.

– Я пойду с тобой.

Офицер сделал легкое нетерпеливое движение.

– Я тебе это запрещаю, – ты знаешь, что отец не разрешает тебе подниматься на башню.

Нигури стиснула зубы и с глазами, полными слез, еще долго следила за удаляющейся фигурой молодого человека. Долгое пребывание в этой мистической атмосфере развило в ней болезненную чувствительность. В то время как Рамзес наследовал от своей матери любовь к практической жизни и к физическим упражнениям, его сестра Нигури была истинной дочерью жреца. Хрупкая и нервная, она никогда не вступала в игры со своими однолетками. После смерти матери она росла при храме. Первой ее игрушкой была систра, музыкальный инструмент, на котором могла играть только принцесса в честь богов. Ее бронзовые струны издавали пронзительный звук, возбуждающий нервы.

Потом Нигури стала участвовать в процессиях, там она видела своего отца, торжественного и важного, в голубоватом дыму курений. Кончилось тем, что все божества наводили на нее неопиcуемый ужас. Только бог Амон с лицом барана и богиня Гатор с лицом коровы восхищали ее мягкостью и добротой.

Тот-Ибис со своим странным черным и непомерно длинным клювом; Горус, напоминавший профилем хищную птицу; Токанит – лягушка, бесхвостая, с блестящими глазами и зобатой шеей; Секхет с темной мордой львицы; Бастет с маской кровожадной кошки и, наконец, Анубис, мрачный Анубис, напоминающий шакала, когда тот лает над трупами, – все они мерещились ей во сне, она просыпалась, вся покрытая холодным потом, испуская крики ужаса. Она успокаивалась только на коленях отца и снова засыпала. Так как она знала, что он был служителем этих ужасных святынь, то она не могла ему рассказать всего.

Рамзес и Нигури были единственными детьми великого жреца; несмотря на двенадцать лет разницы, они были очень привязаны друг к другу, и младшая любила старшего всеми силами души, мечтательной и одинокой. Все эти мысли мелькали в голове офицера, когда он взбирался по лестнице, и складка недовольства появилась у него на лбу.

«С каждым днем Нигури делается все экзальтированной! В десять лет у нее чувства женщины. Что же будет, когда она выйдет замуж? Жить в храме ей положительно вредно. Конечно, я женюсь на ней – это мой долг; а до тех пор нужно ее отправить в деревню. Нигури хитра, она сейчас догадается о моих чувствах к новой рабыне. – Прелестный бледный образ ахейки в ореоле рыжих кудрей не давал ему покоя, волновал его кровь жгучей страстью. – Только бы купец нашел ее, – думал он. – Неужели мне удастся выпросить денег?»

Рамзес почитал своего отца. Его серьезный, доброжелательный вид и почетная должность возбуждали в пылком офицере глубокое благоговение. Волнение, испытываемое каждый раз, когда он говорил с отцом, еще усиливалось сознанием того, что просьба будет дурно воспринята. Он знал, что отец скуп, занят серьезными делами, и боялся, что этот каприз влюбленного покажется ему легкомысленным. Первый жрец Амона был в немилости при дворе фараона. Молодой правитель Аменофис находился всецело в повиновении у своей матери Тайи, которая и поклялась в ненависти к Амону Фиванскому, так как находила его духовенство слишком богатым и могущественным. Говорили, что предшественник его отца был отравлен по ее секретному повелению, а теперь она с ожесточением вела против Ри-Горуса немую войну. Сын еще не знал, что думал отец об этой грозной вражде. Ри-Горус замыкался в своем созерцательном безмолвии, и даже шалости любимицы Нигури не могли его рассеять. Он покидал святое святых, куда только один имел доступ, чтобы взойти на старый пилон, фасад которого был обращен к Нилу. Там строго запрещено было его беспокоить.

Рамзес взобрался, наконец, по бесконечной лестнице. Когда он всходил на последнюю ступень, то сердце его усиленно билось. Но он набрался храбрости и выступил из темноты.

Первый жрец Амона восседал на своем излюбленном месте, на краю террасы. Он повернулся лицом к солнцу, чтобы лучше наблюдать его заход. На плечи его была наброшена шкура

пантеры – знак священнического сана. Остроконечный, гладко выбритый череп лоснился и походил на конус из полированного дерева. Последние лучи заходящего солнца окружали его таинственным ореолом.

На почтительном расстоянии, чтобы не мешать его молитве, стояли три коленопреклоненных жреца, всегда готовые исполнить его малейшее приказание.

Один из них сделал движение навстречу Рамзесу, он приложил палец к губам и шел на цыпочках, едва касаясь земли. Узнав вошедшего, он подошел к жрецу, опустился позади него на колени, произведя меньше шума, чем падающий с дерева лист.

Он ждал, пока Ри-Горус заметит его, им бы пришлось ждать долго, если бы Рамзес, человек решительный, хорошо знакомый со всеми формальностями, не предупредил легким покашливанием о своем появлении.

Ри-Горус повернул голову, жрец наклонился к его уху и что-то прошептал, потом так же легко и беззвучно подошел к молодому офицеру, приглашая его подойти.

Рамзес развязал свои сандалии из папируса. Он подошел так тихо, как только мог, и молча присел около неподвижного старика, углубившегося снова в созерцание. Никто в мире, кроме фараона, не имел права первым заговорить с первосвященником. Волей-неволей его сыну приходилось созерцать ту же картину.

Позади фиолетовых зубцов Ливийских гор солнце пустыни бросало призматические лучи сквозь песочную пыль. Они походили на реку из пурпура, где солнечный диск отражался, лишенный лучей.

Налево огромные Фивы уже утопали в сумерках. Тысячи униженных насестами голубятен покрывали город чем-то вроде низкого кустарника. Несколько хищных птиц лениво рассекали воздух крыльями, направляясь к островкам из темной зелени, которая обозначала линию царских садов. На другой стороне за берегом, покрывавшимся водой в период разлива, начинались другие Фивы, те Фивы, где жил бесчисленный народ, трудившийся над приготовлением свирелей, украшением подземелий и высечением саркофагов. Полмиллиона рабов засыпали здесь, измученные тяжелой работой. Ночью бред их переходил на родные наречия. Они лепетали странные слоги, заимствованные у всех народностей тогдашнего мира, живших начиная с истоков Нила и кончая Тигром и Евфратом.

Рамзес думал, что, может быть, ахейка убежала на тот берег и спряталась среди людей своего племени, на которых случайно набрела. При этой мысли его бархатистые глаза сверкнули радостно.

Испытующим взором старался он проникнуть в тайну Некрополя.

– Счастливы спящие среди этих гор, – произнес глубокий голос рядом: так заговорил его отец, простирая руки к горам, видневшимся на горизонте.

– О ком говоришь ты, отец?

– О тех, кто спит! Живые расprostируются на земле в течение нескольких часов и впадают в оцепенение, сопровождающееся отвратительными и жестокими снами. Называешь ли ты это сном! О сын мой, о мой Рамзес! Сон – удел мертвых. Мягкое ложе из пуха только на время успокаивает ужасное волнение завтрашнего дня. Более глубокий мир обитает под гранитной крышкой саркофага. Как хотел бы я вкусить его! О Амон-Ра, мой великий повелитель!

Аскет воздел руки к небу. Сквозь короткие рукава его одежды Рамзес разглядел страшную худобу высохшего тела.

– Да помогут тебе боги мирно достигнуть запада, – ответил набожно молодой человек, следуя обычаю вежливости, принятому в разговоре о смерти. – Скажи, откуда это беспокойство, сообщающее твоим словам горечь листьев сикоморы?

Повернув к сыну свою костлявую и морщинистую голову, оживленную блеском зрачков, жрец ответил:

– Узнай же новость. Царица Тайя открыто вызвала из Гелиополиса великого жреца солнца! Амон, бог Фив, не будет больше правителем обоих Египтов. Тайя хочет заместить его грубым богом солнца из Гелиополиса.

Он указал пальцем на светило, умиравшее на горизонте; залитое кровью, оно словно купалось в желтовато-красной пене.

– Вот будущий бог, – прорычал старик. – Его вид напоминает яичницу из яиц страуса!

Рамзес наблюдал между тем за огнями, которые зажигались тут и там в Некрополе. Один из них освещал, может быть, маленькое личико, бледное и изменившееся, которое он так хорошо знал! Его ум, совершенно неспособный к богословию, не постигал превосходства духовного культа Амона Фиванского над материальным культом солнца. Он знал только, что Амон был богом Фив, столицы Египта и всего мира, между тем как солнце почитали в Гелиополисе, старинном, но теперь совершенно разоренном городе.

Великий жрец заговорил снова:

– Нужно укрепить город так, чтобы он мог вынести осаду.

– Осаду? Против кого, отец?

– Против фараона.

– Но ведь фараон – бог, кто осмелится сопротивляться его воле?

– Узнай же, сын мой, то, о чем я еще колебался тебе сообщить. Фараон совсем не бог. Он такой же человек, как и ты, и так же, как и мы, подчинен богам смерти.

Молодой фиванец смотрел с изумлением. Старик же продолжал:

– Я провел всю жизнь в созерцании бессмертных богов, между ними и фараоном такая же глубокая разница, как между мной и этим мотыльком, который только что коснулся моей щеки. Я проводил целые ночи, молясь в святая святых. Я сомневался и умолял бога Амона меня просветить, но статуя оставалась немой. Тогда я придумал положить в каждую его руку по свертку из папируса. В одном я утверждал бессмертие фараона, в другом же отрицал. И что же? Рука Амона сжала тот папирус, где я написал отрицание, другой же свертки бог бросил с негодованием на серебряный пол святилища.

Рамзес задыхался от волнения.

– Если Амон так сказал, то нужно объявить это народу! – воскликнул он.

– Не делай этого, сын мой! Боги мудры: если они терпят эту приверженность народа к старым ошибкам, то только потому, что иначе была бы анархия. Будем же молчать. Так приказывает небо!

Офицер, пораженный этими разоблачениями, поспешил убедиться, слышали ли их разговор жрецы, но они по-прежнему оставались неподвижны. На небе показались первые звездочки, и потемневший город переглядывался с ними тысячами блестящих огоньков. Летучая мышь носилась там и тут, как обрывок материи, и наконец исчезла в пропасти у подножия башни.

Рамзес прошептал:

– Что нужно делать, отец? Приказывай! Я повинуюсь. С этой минуты я считаю себя свободным от всех обязанностей относительно фараона.

– Ты пойдешь завтра со мной в царский дворец. Там я буду требовать именем бога Фив удаления великого жреца Гелиополиса.

– Безнадежная попытка, не лишенная опасности. Остерегись, отец, разделить судьбу своего предшественника; говорят, он погиб от яда.

– Ты не знаешь всего: вчерашнюю ночь, когда, я, наконец, заснул, утомленный часами забот, мне вдруг явился Амон в виде сверкающего барана в облаках тончайших курений. И – о, неожиданное чудо! – этот баран был влеком самым фараоном. Утром я собрал совет пророков, чтобы разгадать дивный сон. Все решили, что бог хотел видеть фараона, и мы ему повинемся!

Уже спускалась ночь. Легкий знак – и жрецы приблизились. Они взяли старика под руки и поставили на ноги. Протянув руки и закрыв глаза, великий жрец благословил их и одним движением губ отпустил жрецов и сына.

– Идите с миром! – прошептал он. – Идите с миром. Я хочу остаться один и молиться.

Рамзес пошел вслед за молодыми жрецами. Те, как только очутились на лестнице, далеко от взоров Ри-Горуса, скатились вниз, минуя по четыре ступеньки за раз. Они испускали радостные крики и обращались друг к другу с веселыми шутками. Все это проделывалось, конечно, не потому, что они не были набожны, но вследствие физической потребности расправить мускулы после суровой сдержанности нескольких часов.

Эта вспышка жизни с быстротой молнии вызвала в уме офицера нежный силуэт ахейки.

Сегодня он не мог попросить отца дать ему эти пятьдесят два золотых кольца.

«Я никогда не осмелюсь говорить с ним об этом в такую минуту. Что делать? Нужно надеяться, что финикиец еще не нашел ее».

Он был почти доволен, когда дома сказали, что никто его не спрашивал. Им овладевало беспокойство. Минуту Рамзес колебался: не идти ли ему сегодня же ночью в гавань, не обежать ли все пивные, где, может быть, ему посчастливилось бы найти рабыню. Но в столице с миллионным населением было бесчисленное количество таких пивных. Предположим, что чудесный случай и помог бы ему ее найти, но у него не было нужного количества колец. Оставалось только предоставить поле действий самому пирату. Если поиски Агамы не увенчались бы успехом, тогда можно было пустить в дело полицию храма. Не намекал ли недавно отец, что поручает ему организовать стражу для храма? Эта миссия давала ему новые полномочия и средства для поимки беглянки.

Успокоенный этими мыслями, он вернулся в комнату, снял каску, перевязь, развязал полукафтанье и сандалии и взобрался на свою постель, сделанную из бронзы в виде двух соединенных львов.

Положив голову на подушку, он искал отдохновения. Итак, божественность его короля – обман. Его родина потрясена, религия преследуема, семья в опасности. Он чуть не убил своего лучшего друга и потерял след так сильно желанной женщины. Несмотря на все это, не прошло и трех минут, а он уже спал глубоким сном. Рамзесу было всего только двадцать два года!

Ри-Горус, оставшись один, медленно сделал два круга, обошел вокруг пилона и, наконец, прислонился к столбу из белого камня, верхушка которого была украшена солнечными часами.

Он устремил пытливые взоры к небу, оно кишело массой звезд. Тысячи серебряных лампочек сияли на этом огромном куполе. Он знал, что каждая лампочка прикреплена к железному потолку и предназначена освещать пять подвижных звезд. Звезды эти влияли на судьбу людей своими четырьмя фазами. В продолжение многих столетий на берегу этого самого Нила тысячи несчастных людей вопрошали их о своей судьбе.

Ри-Горус знал эти светила и каждую приветствовал по имени:

– О огненные корабли! Вы плывете по прозрачной небесной реке, освещенные сиянием Сириуса! О корабли! На каждом из вас плывет один из пяти богов! Помогите мне! Сначала ты, Горус-путеводитель! И ты, Горус-производитель, второй по величине, и ты, Горус красный, с окровавленным взором. И ты, Сукху. Наконец, и ты, богиня Бону, первая появляющаяся на ночном небосклоне. Вот уже сорок лет, как я изучаю судьбы людей. Увы, я понимаю столько же, сколько понимал и в первый день, когда начал изучать написанное вами в пространстве. Простите же меня, о боги, если я сомневаюсь в вас в минуты отчаяния, когда начинаю думать, что вы равнодушны ко всем земным страданиям.

Старик замолк, пораженный тем, что он осмелился только что выразить. Но небесный свод все так же сверкал. Тогда старик закричал изо всей силы:

– О боги, если я богохульствовал, то дайте мне знамение в знак вашего гнева!

Но пять вопрошаемых звезд были все так же неподвижны. Тогда он закричал еще громче. Казалось, грудь его разрывается на части.

– На что нужен бог, который не заботится о человеке? Я вас отрицаю и ненавижу и не согну перед вами колен до тех пор, пока тысяча небесных лампочек не упадет на мои плечи в виде огненного дождя.

Ри-Горус, утомленный, опустился на террасу. Он вынул из-за пазухи небольшую статуетку из голубой эмали, изображающую бога Амона Фиванского. Старый жрец с нежностью созерцал этот лик, и слезы текли из его глаз.

– О мой обожаемый господин! Ты видишь, ночные боги не являются хотя бы из уважения к тебе. Может быть, они так же ревнивы, как люди! О покровитель Фив! Защити свои статуи и богатства. Не отдавай твой город в руки неверующего царя. Смело вступи в борьбу, так как боги сильнее тысячи смертных!

Он страстно поцеловал идола и, ни разу не взглянув больше на небо, спустился с лестницы и исчез внутри пилона так же легко и бесшумно, как привидение.

III

Когда финикийский пират валялся в ногах Рамзеса, умоляя помочь в поисках беглянки, он не преувеличивал своего отчаяния.

Вот что произошло во время его короткого визита к начальнику носителей паланкина королевы-матери. Этот начальник был в старину тирским купцом и считал Агаму когда-то своим хорошим знакомым: грубый и ленивый, он должен был бежать из своего отечества и спастись от кредиторов, присоединившись к каравану, который возил фараону ежегодную дань от финикийских городов. Человек этот принял посетителя с подобающим высокомерием, отмечая разницу, существовавшую между богатым, но лишенным официального положения купцом и служителем королевы. Намек Агамы на радость встречи после долгой разлуки не произвел желанного эффекта, а восторженное описание прелестей ахейки вызвало только сухой ответ:

– Королева-мать не хочет больше увеличивать число своих рабынь.

До сих пор Агама обращался с ним почтительно, как с важным сановником, но теперь он переменил тон и, опуская свои тяжелые веки, свысока заметил:

– Рабыню можно было бы продать за пятьдесят два золотых кольца, дурень! Если ты обещаешь, что в первый раз, как королева-мать будет переезжать реку, ее паланкин остановится на минуту около моей барки, я дам тебе два кольца.

В виде задатка он опустил ему в руку половину серебряного кольца. Этот образ действий произвел магический эффект. Особенно когда еще он добавил:

– Если карета царицы не остановится против моей барки, я донесу судье Фив, что тебя заочно осудили в Тире и приговорили к продаже в рабство и что мне поручено привезти тебя обратно, закованного в цепи, в трюме моего корабля. У меня даже есть копия приговора, – с наглостью продолжал пират.

Начальник носильщиков сделал вид, что он в восторге от этой шутки; фамильярно похлопав по плечу своего дорогого товарища, он уверял, что только горячая симпатия может заставить его оказать ему такую услугу.

Самое большее, что он возьмет сверх двух обещанных колец, – это копию приговора суда, о которой говорил ему Агама и которая, как он уверял, возбуждала его любопытство.

Вот что было обещано с той и с другой стороны.

Торговец знал теперь, как нужно разговаривать со старинными друзьями. Умудренный таким опытом, он радостно потирал руки, возвращаясь на свой корабль.

Но он нашел каюту, где помещалась Ио, пустой!

Агама поднялся наверх как сумасшедший.

Экипаж отсутствовал. Все разбрелись по кабачкам. Только двое рулевых остались стеречь корабль. Он нашел их, наконец, отдыхающими под парусами, куда они забились, чтобы избежать палящих лучей полуденного солнца. Пират разбудил их ударом ноги.

– Ио, Ио! – бормотал он. – Где Ио?

Испуганные негры терли спросонья глаза.

– Безмозглые негодяи, я уверен, что она похищена офицерами, которые сегодня утром были здесь. Они хорошо заплатили вам за вашу небрежность! Но я прикажу разорвать вас на части. Не надейтесь, что я этого не сделаю. Законы египтян не позволят? Смеюсь я над их законами! Вернувшись в Тир, я брошу вас живьем в брюхо Ваалу!

Один из рулевых не вставая проворчал:

– Удрала тоже и старуха.

Агама разом остановился. Он совершенно забыл о Банизит.

– Это дело ее рук, – шумел он, – клянусь Астартой! Старая колдунья выбрала удобный момент, чтобы удрать с девушкой, которую она продаст какой-нибудь сводне!

Агама стрелой помчался в полицию, там он разбудил старшего писаря, который поспешил написать на куске папируса приметы пропавших рабынь. Он дважды останавливался, чтобы очинить палочку из тростника, которой писал.

Пока он писал, прошло ровно столько времени, сколько нужно потратить, чтобы выгравировать то же самое на граните.

Агама, дрожавший от нетерпения, допытывался, продолжительны ли будут поиски. Чиновник поднял голову, украшенную повязкой наподобие той, какие надеты на сфинксах, и вежливо ответил, что не знает, но если финикиец потрудится зайти через несколько дней, начальник полиции будет очень рад сообщить ему что-либо об этом предмете.

– Через несколько дней! – завопил Агама. – Тогда будет слишком поздно. Нужно ее искать сегодня, сейчас же. К чему эти бумажонки, если вы считаете их годными только для того, чтобы на них спать?

Писарь бросил на него взгляд, полный презрения, и, считая дело поконченным, закрыл глаза, чтобы снова передаться сну, так грубо прерванному. Торговец понял, что он имеет дело с честным служителем – явление очень редкое и вместе с тем ужасное, отнимавшее у него всякую надежду на успех.

Обходя всю набережную, он принялся расспрашивать об Ио направо и налево.

В этот-то критический момент Рамзес, возвращавшийся с маневров, встретил его и снова возбудил его энергию, обещав заплатить полностью запрошенную за Ио цену.

Отныне дело касалось не рабыни сомнительной стоимости, а пятидесяти двух колец золотом, которые он поклялся вернуть.

– О Мелькарт! – глухо произнес он, целуя маленький цилиндр, сделанный из кристалла, прикрепленный к его ожерелью. – Клянусь обеими колоннами из позолоченного серебра и изумрудов, которые украшают вход в твой храм в Тире, я жертвую тебе десятую часть суммы, если ты мне поможешь получить ее всю!

Заинтересовав таким образом могущественного бога, более могущественного, конечно, чем слабые ахейские боги, которым ахеянка, вероятно, тоже поручила свою безопасность, он ушел, намереваясь обшарить все вертепы стовратных Фив.

Он был уверен, что Банизит, воспользовавшись невинностью Ио, затащила ее в какой-нибудь лупанар. Маленькая дикарка так глупа, что старуха сумеет ее обвести вокруг пальца.

«Вот награда за то, что я взял ее к себе! – думал он, совершенно забыв, что купил бедуинку в Мемфисе с тем, чтобы потом бросить ее на мостовой Фив, как только она выучит Ио языку египтян и таким образом увеличит ее стоимость. – Старуха уверила ее, что знает этот огромный город и найдет ей верное убежище. Она сказала, что, утомленный напрасными и дорогостоящими поисками, по всей вероятности, я вернусь к своим делам и уеду на родину».

При мысли о тайных мучениях, которым он предаст Банизит за ее верную службу, если удастся схватить обеих женщин, жестокая улыбка искривила его красные губы.

Он зашел в харчевню, чтобы там подкрепить свои силы. Здесь он присел на корточки перед низким и грубо сделанным столом, так что его колени почти касались подбородка.

Лавочка представляла не что иное, как узкий коридор, выходивший на улицу. Печь, вспыхивавшая в темноте, освещала закоптелый силуэт повара, совершенно голого, покрытого потом. Он то поворачивал гуся, надетого на вертел, то шевелил опахалом, чтобы раздуть пламя. Резкий запах аммиака уничтожал совершенно приятный аромат, исходящий от гуся, так как хозяин из экономии заменил топливо брикетом из помета, высушенного предварительно на солнце.

Финикиец очень ценил нежное мясо и потому сделал легкую гримасу, когда ему подали живность жирную и пережаренную, пропитанную резким запахом дыма. Хлеб, твердый как камень, царапал ему горло. Пиво прокисло.

Невзирая на все это, Агама ел с жадностью. Он очень жалел, что не мог зайти в лучшую таверну, потому что в этой нижней части города сгруппировались все публичные дома, которые он намеревался обыскать.

Пока он занимался омовением рук и рта из чаши с водой, он заметил очень веселого странствующего цирюльника, который без церемонии поставил на колени своего клиента, встреченного только что на пороге харчевни, и принялся подбривать ему череп своей бронзовой бритвой. Увидев платье Агамы, цирюльник испустил возглас удивления:

– А-а, человек в пурпуровой одежде, не тот ли ты самый финикийский купец, который прибыл только сегодня утром из Мемфиса?

– Я действительно тот самый купец. Что тебе от меня нужно?

– Ничего!.. Чего мог бы я ожидать от чужестранца, настолько лишенного вкуса, чтобы носить бороду и длинные волосы, тогда как он мог бы обриться и купить парик. У меня есть великолепный. Не хочешь ли приобрести по случаю? Прежний хозяин, старый писарь, не взял его с собой в саркофаг по той простой причине, что вдова была очень экономна и предпочла его продать. О чужестранец, купи его! Он мало ношен, всего только сто лет! Так как ты, кажется, богат, но настолько скуп, что приходишь есть с бедняками, то мой парик как раз то, что для тебя нужно.

Шутка была встречена громким взрывом хохота. Так как обитатели Фив не очень-то почитали финикийцев, а цирюльник был известен своими чудачествами, то возле него сразу образовался кружок.

Не отвечая, Агама перешагнул порог.

Пользуясь тем, что его широкие плечи пугали насмешников, он поспешил завернуть за угол улицы.

Еще не успев сделать тридцати шагов, он снова услышал голос цирюльника за своей спиной. Пират испугался преследования; он обернулся, готовый защищаться.

Человек догонял его бегом. Туника его, сделанная из кожи, открывала голые ноги, худые как у обезьяны. Агама поспешно схватился за кинжал, скрытый под одеждой.

Маленький цирюльник на этот раз был один и должен был дорого поплатиться за свои насмешки.

– Остановись, господин! – крикнул он. – Я могу тебе быть полезен!

– Единственная для меня услуга, чтобы ты убирался, собака!

– Подожди минутку! Сколько ты заплатишь, если я укажу тебе тот дом, который ты ищешь?

– Убирайся, плут! Я не такой доверчивый иностранец, чтобы ты мог меня так легко надуть.

– Я честный ремесленник, но мое ремесло часто помогает мне видеть много тайных событий, таких, например, как побеги рабов.

При этих словах купец сразу переменял тон:

– Ты знаешь, где находится моя беглянка?

– Очень может быть. Она рыжая, не так ли?

– На ней зеленая одежда. Ты ее видел?

– Да, я ее видел сегодня утром, в тот момент, когда корабль подходил.

– И это все? Проклятый плут! Убирайся!

– Я еще был на набережной, как вдруг заметил старуху и рядом с ней молодую, кутавшуюся в огромное покрывало, чтобы скрыть свои странные одежды. Обе женщины шли быстро.

Клянусь Тифоном, тогда я сказал себе, что это подозрительно, и последовал за ними. Теперь я знаю, где она.

– Где же?

– Я тебе этого не скажу. Ты был со мной недостаточно почтителен! – отрывисто ответил маленький человек.

Агама достал из-за пояса скромный слиток свинца и бросил ему.

– Разве она так дешево стоит, твоя дикая женщина? – скорчил гримасу цирюльник. – В таком случае не стоит терять времени. Прощай, я пойду спать.

– Сколько же ты хочешь?

– Золотое кольцо!

Взбешенный Агама бросился на него с поднятым кинжалом.

– Говори сейчас же, или я тебя убью!

Но ловкий цирюльник увернулся и замахнулся в свою очередь бритвой с комическим видом.

Пират понял, что последнее слово осталось не за ним; он отвязал одно из золотых колец, висевших на его груди, по обычаю путешественников, в виде ожерелья.

Цирюльник прикинул его на ладони.

– Ну, ладно, оно также тяжело. Следуй за мной. Мне будет нелегко объяснить туда дорогу.

Импровизированный проводник пустился вдоль улиц, по обеим сторонам которых тянулись открытые лавки. В этот час они закрывались.

Голые рабы тащили просмоленные длинные доски, которые вставлялись в нарочно сделанные для этого выемки с помощью сильных ударов кулака по дереву, и они укрепляли их еще бронзовыми перекладинами.

Лавочник запечатал ставни печатью из глины, смоченной слюной. Затем все удалились медленно, как люди, привыкшие к сидячей жизни.

Одежда их состояла из верхней рубашки; огромные завитые парики из овечьей шерсти мрачно обрамляли их одутловатые лица. Их добрые выпуклые глаза бросали на Агаму удивленные взгляды. Один ювелир сразу определил цену дорогого пояса из золота и эмали, украшавшего одежду чужестранца.

– Сделай-ка такое же, Татим-Хаби, тогда и ты будешь так же искусен, как я! – кричал ему маленький цирюльник, знавший всех и скользивший с ловкостью ужа между прохожими.

Рабочие выходили из красильни; они все время озирались, чтобы лучше разглядеть пурпур финикийской ткани. Их руки по локоть были окрашены в голубой цвет.

– Эй, товарищи! – окликнул цирюльник. – Сейчас видно, что ваша грязная вода воняет. От вас так и несетдохлой рыбой.

Этот зубоскал, вооруженный бритвой, был почти гол в своей жалкой одежде. Его глаза кровоточили вследствие болезни, полученной при спанье под открытым небом в холодные ночи. Но, несмотря на все это, он был счастлив, так как мог каждую минуту удовлетворить свою единственную потребность – привлекать всеобщее внимание.

Тщеславие скорее, чем жадность, как и желание приобрести значение в глазах чужестранца, заставило его выдать убежище бедной девушки.

– Вот их жилище! – указал он на узкий коридор, который углублялся между двух закрытых лавочек.

В это самое время в коридоре послышался сильный шум.

Какой-то пьяный человек отбивался от огромной негритянки, которая выталкивала его вон.

– Убирайся, пьяница, или я позову полицию! – кричала она.

На ней был передник простолюдинки, сшитый из белой холстины, который обнаруживал огромные груди, татуированные голубой краской. Серебряные браслеты, широкие и выпуклые,

едва закрывались на ее мясистых руках. Ее волосы, заплетенные в виде жирных шнурочков, оканчивающихся маленькими шариками из земли, спускались вокруг ее лица с приплюснутым носом. На каждой ее щеке красовались по три царапины. Плоское серебряное кольцо, вдетое в правую ноздрю, еще более увеличивало ее сходство с мордой быка.

– Бенелеба! – приветствовал ее маленький цирюльник, едва доходивший ей до плеча. – Я веду к тебе богатого гостя.

Бенелеба улыбнулась финикийцу. Ее огромные глаза сверкнули, осветив все лицо, а толстые губы обнаружили два ряда восхитительных зубов.

– Войди, о чужестранец, и будь дорогим гостем в нашем дворце счастливых дней.

– Хозяйка, – шепнул цирюльник, – твоя беглянка должна быть здесь, но будь ловка, так как может случиться, что в этом доме есть еще двери, кроме этих.

Эта пивная лавочка была такая же, как и все пивные лавочки в Фивах. Стены, оштукатуренные известкой, пестрели всевозможными надписями, где преобладало слово «пить»: «Пей, а затем проспи свой хмель», «Я выпил восемнадцать чаш вина», «Вино IV года из Синны самое лучшее», «Пиво из проса лучше вина IV года». И еще много других, восхвалявших прелести местных красоток. Попадались такие игривые изречения: «Опустошив одну – наполнить другую». Таков девиз неизвестного философа, который нарисовал кубок и рядом прислужницу.

Глубину залы занимали темные пузатые амфоры с запечатанными горлышками, помещенные одна на другой. На них крупными буквами красовались надписи, обозначающие названия и год вин. Налево стояли бочонки с пивом. Справа же помещались более изысканные сосуды: графины из стекла и алебаstra, заключавшие в себе пальмовую водку. Запах всевозможных сиропов, перемешиваясь с запахом пьяниц и крепким ароматом женских тел, делал атмосферу еще более тяжелой и удушливой.

Штук тридцать ламп, сделанных из простой глины и наполненных маслом с трещавшими в нем светильниками, спускались сверху на шнурках и освещали потребителей. Последние состояли из горожан и офицеров, которых сейчас же можно было отличить по их кирасам, выложенным черепахой. Все они столпились в кружок около танцовщицы. Можно было слышать звон погремушек, украшавших ее лодыжки, и шлепанье ее голых ног о циновки. Несколько женщин подошли к финикийцу; их лица скрывались за прозрачной материей. Большей частью были египтянки из низшего класса. Белила так густо покрывали их лица, а глаза так сильно были подведены коглем, что невозможно было определить их возраст.

Только контуры груди выдавали года. Самые старые закрывали их чашечками из дерева или серебра. Агама оттолкнул нескольких, напрасно ища глазами Ио или Банизит.

– Вооружись терпением, – шептал ему маленький цирюльник. – Конечно, ты не встретишь их в общей зале. Выспросим-ка осторожнее.

И он с видом знатока распорядился подать самое дорогое вино. Оно носило название «Звезда Хору» и привозилось из южных Оазисов.

Женщины поспешили собраться вокруг пьющих, а Бенелеба, огромная и толстая фигура которой восседала позади бочек, послала им требуемое вино.

Когда амфора опустела, цирюльник крикнул во все горло:

– Бенелеба! Не воплотилась ли в тебе богиня Опет? Я никогда не видал более грациозной самки гиппопотама, чем ты! Дай-ка нам поскорее вторую амфору со «Звездой Хору».

Недовольный финикиец воспротивился было этому, но цирюльник движением глаз дал ему понять, что хочет развязать языки женщинам. При виде целого потока драгоценного вина, эти последние устремились к нему с радостным гоготаньем.

Те, которые не могли больше пить, но все же заботились об интересах заведения, позволяли себе разные маленькие шутки. Они давали пить своим грудям, глазам и ушам. Вино текло по их коже, оставляя полосы на густом слое белил.

Цирюльник сильно забавлялся. Он опустошал свою чашу, щедро поливая вином шею своей соседки, маленькой беленькой сирийки, уверяя, что видит, как оттуда поднимаются две розовые кувшинки, которых нужно только немножко полить, чтобы бутоны распустились совершенно.

Цирюльник щекотал разом и самолюбие, и белую кожу пьяной девушки. Чтобы выразить свое удовольствие, она повалилась навзничь. Ее нога, болтавшаяся в воздухе, зацепила стол, на котором стояла амфора, еще наполовину наполненная вином.

Агама притворился, что презрительно подымает голову, между тем как он осматривал все кругом, надеясь обнаружить присутствие Ио. Поэтому все содержимое амфоры попало ему в лицо. Но – о чудо! – золотистое вино превратилось в черное, когда стекало с его бороды на платье, обнаруживая, таким образом, искусственную окраску его седеющих волос.

Маленькая сирийка, по-прежнему распростертая, опьяненная взрывом хохота, раздававшегося в зале, коснулась своей голой ногой его бороды. Тогда рука Агамы опустилась на ее лодыжку и сжала ее.

Сильным движением он схватил эту тварь за ногу и, размахивая как пращей ее телом с болтающейся головой и вертящимися руками, раздробил ей череп о свод.

Послышался глухой треск, и целый дождь – на этот раз уже не вина, а чего-то горячего и красного – обагрил зрителей.

Тело недвижимой массой упало на стол. Вдруг водворилась такая глубокая тишина, что можно было расслышать, как падали капли крови на пол.

Страшный взрыв криков и восклицаний сменил тишину. Мужчины бросились на Агаму, толкая бегущих женщин, крики которых смешивались с общим шумом. Агама, вызывая кинжалом одной рукой, другой схватил амфору из-под «Звезды Хору» и размахивал ею как палицей, поместившись позади трупа, который служил ему защитой. С львиным лицом, покрытым мускулистыми морщинами, со своей волосатой гривой и грудью, обмоченной кровью и вином, он представлял такое ужасное и дикое зрелище, что нападающие отступили.

Они окружили убийцу в ожидании полиции, которую тщетно призывала Бенелеба, стоя на пороге и колотя кулаком по барабану.

Пользуясь всеобщим смятением, Агама очистил себе путь с помощью все той же амфоры, которой он вертел в воздухе. Даже неустрашимая Бенелеба отступила.

Он отцепил полдюжины золотых колец со своего колье и бросил ей их.

– Плата в кассу, что же касается девчонки, то она сама меня оскорбила.

И он исчез, поднимая платье, чтобы легче бежать в темноте.

Сделав сотню шагов, он остановился, удивленный тишиной, царившей кругом.

Полоса неба, усеянная звездами, освещала улицу, совершенно пустынную позади. Его никто не преследовал. Жертва была только проституткой. Ее хозяйка высчитала, вероятно, что все расходы были покрыты. Да и скандалы вредят почтенным дамам.

Утомленный Агама присел на камень; воспоминание о том, что он искал в этом кабачке, воскресило перед ним маленький силуэт цирюльника с блестящими глазками, который исчез, как только началась свалка.

– Клянусь Мелькартом, я одурачен. Мой проводник не имел ни малейшего понятия о том, где скрывается Ио. Он просто пьяница и заставил заплатить за вино, может быть, даже мошенник, считающий теперь свои барыши.

Холодный гнев овладел Агамой. Поднявшись с камня, он спрятался за поворотом улицы, чтобы дожидаться появления этого человека.

Цирюльник был наполовину пьян, когда поливал свою соседку вином: убийство несчастной сразу отрезвило его. Он покинул финикийца среди угрожающего круга осаждающих и, воспользовавшись беспорядком, спрятался в глубине кабака. Он в самом деле видел обеих рабынь финикийца, проходящими по знойной и пустынной набережной в полуденный час.

Старуха спрашивала дорогу у прохожих. Он видел, как она исчезла в коридорчике Бенелебы и вообразил, что она собиралась продать чужестранку негритянке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.